

Девочка
которую

нельзя

Стася Андриевская

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Стася Андриевская
Девочка, которую
нельзя. Книга 3
Серия «Девочка,
которую нельзя», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70030678
SelfPub; 2024*

Аннотация

Пройдя сквозь вереницу страшных испытаний, Славка оказывается на свободе и в безопасности. Ей почему-то навязчиво кажется, что и к этому приложил руку предатель Игнат, однако от него самого нет ни слуха ни духа. Идут дни, недели, месяцы. Ответов на вопросы всё нет. Зато под сердцем у Славки теплится новая жизнь...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	38
Глава 4	48
Глава 5	55
Глава 6	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Стася Андриевская

Девочка, которую нельзя. Книга 3

Глава 1

О том, как силы кончились я помнила очень смутно – эфир наконец подействовал, и я обмякла, уплывая и умственно, и физически в анабиоз. Последним из воспоминаний стала инъекция, наверное, снотворное... И вот я здесь – сама не знаю где.

Подвал, но не сырой, не холодный, не душный и вообще не похожий на пыточную. Просто комната без окон. Меня не били, не насиловали. Наоборот, даже зашёл какой-то человек и измерил мне артериальное давление.

– Вот, – поставил он на стол бутылку минералки, – чаще пей, если не хочешь, чтобы почки после наркоза отказали.

Да что там вода, мне даже еду принесли – бульон с хлебом. Впрочем, ни к тому, ни к другому я, естественно, не притронулась. Туалет здесь же, на ведро.

Через какое-то время пришли два мужика. Они задавали разные вопросы, по большей мере в шутливо-ироничном тоне: нравится ли мне здесь, не хочу ли я поскорее отсюда вы-

браться, не боюсь ли я что их терпение кончится, и они заговорят со мной по-другому... А я всё равно упрямо молчала. И сказать, что я боялась – это не сказать ничего.

Конечно, были догадки, где нахожусь. Даже уверенность. Игнат ведь понятно и подробно рассказывал кто такие Жагровские и чего от них ждать. Поэтому я и ждала: во-первых, появления самих Жагровских, а во-вторых – Игната.

Нет, наоборот. Сначала Игнат, а потом уже хоть все черти вместе взятые – Игнату они нипочём. Он меня вытащит. Обязательно.

А потом меня раздели. Я отбивалась так отчаянно, что двух мужиков не хватило и прибежали ещё двое. Вчетвером быстро справились, молодцы.

Страх, безысходность и горькая беспомощность – вот что я тогда чувствовала. Где Игнат? Что с ним? То, что я здесь – это потому, что он меня пока ещё не нашёл... или его самого больше нет? От этих мыслей я впадала в отчаяние и апатию. И говорить со мной становилось совсем уж бесполезно.

Словом, я готовилась к худшему, но, раздев, мне лишь провели тщательный осмотр тела. Этим занимался тот самый мужик, что измерял давление и советовал больше пить. И он очень заинтересовался моим крылом. Разглядывал, ощупывал, расспрашивал. Я молчала. Тогда он позвал ещё кого-то, и они разглядывали вдвоём. Исследовали каждый миллиметр, то и дело переходя от перьев к розе на плече.

– Это явно давние рубцы, – исследуя шрамы под татухой,

заклучил один из них. – Минимум лет пять им. Тату точно сделано поверху и больше вмешательств не было: линии нигде не нарушены, а краска уже поплыла. То есть, рисунку тоже года три, пожалуй. – Поднял взгляд на меня: – Я прав?

Я лишь демонстративно отвернулась. Пока есть силы и возможность молчать – ничего не скажу!

– Согласен, – подал голос второй мужик. – Но вот эти шрамы совсем свежие. – Помолчал у меня за спиной, противно и больно касаясь кожи пальцами. – Скорее косметические, не более трёх миллиметров глубиной. Для импланта слишком мало, а для простой шалости многовато. Такая обширная поверхность, да ещё и явно специально чем-то протравливалось, чтобы рубцы были плотнее. В чём смысл?

– Смысл? – встрял в их консилиум один из тех мужиков, что меня раздевали. – Какой, на хрен, может быть смысл, когда речь идёт о Гордее? Вы его видели вообще? Каждая собака знает, что он двинут на шрамах! Сам весь резной, как шкатулка моей бабушки, и девку туда же! Они с ним, похоже, оба эти, как их, которые с плётками трахаются... Ну... – на его туповатой бульдожьей морде появилось мучительное выражение мыслительных потуг. – Ну эти, которые в кожных трусах...

И от меня отстали. Если не считать, что после тщательно-го физического осмотра, начались более тщательные допросы, в том числе и с применением амитал-натрия.

Больше всего я боялась навредить Игнату, сболтнув что-

то лишнее. Вспоминала всё, что он мне объяснял и давал испытать на практике, запоздало догадываясь вдруг, что, возможно, именно для этого он меня и учил – чтобы, если вдруг что, я ничего не сболтнула. И я держалась изо-всех сил...

Пока мне не показали видео, на котором Игнат – мой Игнат, тот самый, который клялся, что пока жив, ни за что меня не оставит, который говорил, что вся месть мира ничто по сравнению со мной, и только я одна ему нужна, который так непритворно меня любил и заботился – этот самый Игнат просто отдавал меня какому-то мужику. Словно мелкую разменную монетку. За возможность отомстить своему самому злейшему врагу – моему отцу. Око за око, зуб за зуб.

Тот допрос закончился моей истерикой. Как и в тот раз, когда сыворотку правды давал мне Игнат, я неудержимо рыдала, потом уснула, потом проснулась и блевала. Снова спала. А проснувшись окончательно, снова рыдала – и так почти сутки. И наконец впала в ступор, вспоминая и анализируя...

Положа руку на сердце – я ведь всегда знала, что Игнат не тот человек, что простит смерть своего ребёнка и женщины. Тем более *такую* смерть. Я ведь видела его клеймо, видела глубокую и острую тоску во взгляде. А узнав, наконец, правду, сразу догадалась зачем нужна ему сама. И, как теперь выяснилось, оказалась права. С толку меня сбило лишь то, что отец уже мёртв, да уверения Игната в том, что всё не так, как кажется, и месть ему уже не интересна.

Но и здесь – зачем обманываться? Разве я не слышала

слухи о том, что отец вовсе не мёртв? Разве Мороз не говорил, что Гордеев играет какую-то свою игру, и вместо того, чтобы, согласно первому плану, внедриться в банду Жагровских, отдав им меня, неожиданно затеял свою собственную схему поперёк интересов Конторы? Так в какой момент он переметнулся? Не в тот ли, когда впервые узнал, что мой отец, возможно, ещё жив?

Да, я всё это слышала. Всё знала и могла сопоставить... Но не стала. Сама. Просто не захотела, предпочтя сладкую ложь Гордеевской любви горькой правде его циничной расчётливости. А ведь Мороз предупреждал, но я была слепа и глуха от любви. Любви, которую взрастил во мне сам Игнат. Взглядами, прикосновениями, щекотливыми ситуациями и умело возбуждённой ревностью. Своим показушным безразличием и неожиданными вспышками чего-то так похожего на неудержимую страсть...

Мороз предупреждал, да, а я была глупа. А Игнат просто предатель.

Впрочем, для него самого это было не предательством, а скорее торжеством справедливости: «Мсть любой ценой» И, кстати, он сам неоднократно называл себя мудаком, способным причинять лишь боль – так какие теперь к нему претензии? Он чудовище с каменным сердцем. А я – дура.

И едва я осознала это, как всё наконец-то встало на свои места: его недомолвки и оговорки, мои смутные ощущения и догадки, странные стечения обстоятельств и одержимость,

с которой он «спасал» меня от неведомой опасности.

И мне стало настолько безразлично вообще всё, что дальше я просто отвечала на вопросы. Отвечала, и понимала, что по большому-то счёту ничего о нём и не знаю, кроме того, как ловко он меня подставил.

...Мои шрамы? Имеют ли они какой-то дополнительный смысл и функцию?.. Я смеялась, услышав это, пока не разревелась. Мои шрамы – это мой бзик. Мой и ничей больше. Сама придумала, сама напросилась. А Гордеев до последнего не хотел их делать, и согласился лишь когда я стала подозревать, что он использует меня в личных целях. Просто в нужный момент он отвлёк меня от правды, вот и всё. Гениально.

...Тёрки с конторой? О да, тёрки были, и не абы какие, а в ключья! Взять хотя бы то, как мы под пулями удирали по вентиляции! Или летели с моста в реку!

...Друзья-партнёры? Связные-помощники? Да никого у него не осталось. Вообще никого. Даже самые близкие пошли против, когда он пошёл против Конторы. Никому не захотелось рисковать головой. Ни у кого не оказалось такой мощной мотивации, как месть любой ценой...

Ещё через пару дней, что, впрочем, относительно, потому что без окон о смене суток я могла догадываться лишь по принесённой мне еде и визитам допрашивающих, ко мне пришли совсем другие люди. Оба в возрасте, один невысокий и сухощавый, с внимательными глазами, а второй полный, с невнятным лицом. Под требовательным взглядом ху-

дощавого из комнаты моментально испарились вообще все лишние – те, кто возились со мной до этого. А сам он, не тратя времени даром, тут же склонился ко мне:

– У кого камни?

Я вскинула голову. Странно, о камнях меня ещё не спрашивали, а когда о них пару раз обмолвилась я сама – проигнорировали, так, словно просто не знали о чём речь. И они скорее всего действительно не знали. Теперь же в дело вступили другие люди. Осведомлённые.

И я окончательно прозрела. Как говорится, у нас товар – у вас покупатель... У Гордеева девочка, которая может вывести клиента на камни, у клиента то, что Гордеев больше жизни хотел бы получить взамен – мой папаша, у которого, благодаря моей маме, этих камней давно уже нет.

– Я не знаю! Я клянусь вам, никогда никаких камней не видала и понятия не имею, где они могут быть!

– Ну уж? – вздёрнул бровь второй дознаватель. – А это что? – протянув руку, поддел пальцем мочку моего уха, в которой всё ещё сверкал милый... ненавистный цветочек.

– Это Игнат подарил...

– Игнат? Занятно. А один человек утверждает, что, с твоих же слов, эти серьги подарила тебе мама. Что на это скажешь?

– Я пошутила. Их подарил Игнат! Ну правда!

– Не стыкуется, – покачал головой сухощавый. – Если бы камни были у него, ему бы ни к чёрту было возиться с то-

бой. А возни было немало, уж поверь. Нет, не стыкуется. – И вдруг удар кулаком по столу и злой окрик прямо в лицо: – Говори, где камни!

– А ну ка, погоди... – Требовательно удержав мою голову, второй мужик снял серьгу. Рассмотрел на свет. – Я, конечно, не ювелир, но, по-моему, и это не бриллиант. Сам, посмотри.

Протянул серьгу напарнику. Тот взял, так же повертел на просвет, и, флегматично пожав плечами, положил цветочек на стол.

– Предлагаю выяснить дедовским методом, – и, вытянув из кобуры пистолет, коротко и жёстко ударил по серьге рукоятью.

Жёлтый камушек расплющило в муку. Я вздрогнула и так и замерла с раскрытым ртом, но не потому, что огорчилась, что это не бриллиант – я об этом и не думала никогда, и даже не подозревала, а потому что вид убитого цветочка словно окончательно ставил точку на нашей с Игнатом истории. На моей самой искренней и самой верной любви. Первой и последней. И вообще единственной в жизни. Теперь это было очевидно, потому что иллюзий, что выберусь из рук этих людей больше не осталось.

– Что и следовало доказать, – убирал дознаватель пистолет. – Стекло. А Алиев просто как обычно выслуживается перед хозяином. Чёрт бородатый. И если теперь окажется, что и девчонка ни черта не знает, будет совсем весело.

– Это уже не наше дело. Гордеев явно играет в открытую,

камней у него нет. Так что пусть и с ней теперь специалисты другого уровня и разбираются. Грузим её, да поехали.

Глава 2

Даже мыкаясь с Игнатом по явочным квартирам и удирая от погони на ворованных тачках, я не могла представить, что такое возможно – просто закинуть человека в фургон и повезти. Почти в открытую. Ну только что руки связаны и мешок на голове.

Не били, но оскорбляли и награждали увесистыми тычками, выводя в туалет. А туалет – это когда конвоир сначала снимает с тебя бельё, а потом, когда всё сделала, надевает обратно. Гигиена, удобство? Пфф. Не под себя, и на том спасибо. Я даже уже не стеснялась и только испуганно обмирала на очередную скабрзную шуточку вроде: «а может, пошалим, пока никто не видит?» и будто бы случайные прикосновения к промежности при натягивании белья. Слава богу дальше шуточек дело не шло, хотя возможностей было полно. Значит ли это, что беспредел для них – не по инструкции? Если так, то уже хорошо.

Еду не давали, только, изредка, воду – через трубочку, просунутую в дырку на заклеивающем рот скотче и даже не снимая с головы мешок.

Ехали, казалось, целую вечность. Впрочем, счёт времени был давно потерян и лишь приблизительно можно было ориентироваться по периодам затишки, когда похитители храпели, или по их отсутствию, когда они, возможно, выходили

размяться или даже нормально поесть горячего.

При этом минимум три раза нас останавливали на до-смотр ДПС, а один раз даже распахнулись двери фургона, где, под прицелом вжато-го между лопаток дула, сидела я.

– Это... – видимо обалдев от вида мешка на моей голове и связанных рук протянул чужой голос.

– Это шутка такая, командир! Традиция – похищение невесты! – рассмеялся один из конвоиров. – Пойдём, объясню...

Какая-то возня, двери захлопнулись... И спустя немного времени мы, как ни в чём не бывало, поехали дальше.

Уж не знаю, как это всё обстрипывалось, и с какого уровня влияния, но, похоже, полиция просто не хотела с нами связываться. Странно, что вообще останавливали. Какие-то отдельные, особо идейные и непокорные системе персонажи? Возможно. Но тем интереснее, что заставляло их замолчать – пачка денег или пуля в затылок? Я бы уже ничему не удивилась.

Порядком измученную, с затёкшими суставами, меня наконец выгрузили из фургона не ради туалета. И тут же пересадив на другой транспорт, по ощущением что-то вроде открытого джипа или квадроцикла, снова повезли. Было очень тряско, настолько, что один раз я чуть не вылетела из машины, но меня удержали жёсткие, грубые руки. И низкий хриплый голос что-то отрывисто рявкнул на незнакомом языке. Ну как не знакомом... Горный акцент кто из русских не зна-

ет?

Ехали довольно долго, но всё-таки не сутки. Скорее пару часов. После чего меня снова выгрузили и повели – как овцу на привязанной к шее верёвке. Почва под ногами была неровная, каменистая и шла под уклон – то вверх, то вниз. Иногда даже приходилось карабкаться наощупь. В один из таких разов нога неожиданно поехала, и я сорвалась по уступам вниз. Больно ободрала колени и бедро, но далеко не укатилась – верёвка на шее не дала. Я повисла на ней, растянувшись на спине, и так и осталась лежать без сил.

Хриплый голос зашипел что-то сквозь зубы, меня затеребили, суетливо стягивая с головы мешок, хлестая по щекам. Я машинально открыла глаза... и увидела ночь, молчаливые силуэты гор на фоне бездонного звёздного неба и хмурую незнакомую морду бородача, склонившуюся надо мной.

– Ты живой? – спросила она.

И с тех пор глаза мне больше не закрывали. Видимо побоялись, что убьюсь окончательно. А может, и смысла уже не было – я всё равно понятия не имела, где нахожусь.

Проводников было двое, они шли в полном молчании, читая горы и тропы словно по карте, хотя, на мой взгляд, это было просто плутание безо всякого направления, да ещё и в полной темноте. Не считая яркой, словно фонарь, луны, конечно.

Дико вымотавшись от голода, жажды и бесконечных обрывистых перепадов верх-низ, к предутренней зорьке, когда

небо стало сиренево-серым, я без сил повалилась на землю.

– Ммм... – замычала сквозь заклеенный рот, мотая головой «не могу больше»

Проводники перекинулись парой слов и один из них протянул мне флягу. Я думала вода, схватилась за неё жадно, но в носшибанул такой запах кислятины, что я невольно отшатнулась. Горцы рассмеялись.

– Пэй! – едва разжимая губы, лениво, словно собаке, приказал один.

Я опасливо принюхалась ещё раз, и второй конвоир вдруг зло гаркнул, хватаясь за короткоствольный, висящий поперек живота автомат. Я поняла. Суетливо глотнула. На вкус это был жидкий, сильно скисшийся солёный кефир, который, к тому же, бродил. Сдержала рвотный позыв и, сделав вид, что глотнула ещё раз, протянула флягу обратно.

– Спасибо...

Вместо ответа мужик намотал на кулак мою верёвку и, дёрнув, пошёл дальше.

Больше всего на свете я хотела бы вцепиться им в глотки, выгрызая себе свободу... Но вместо этого – лишь заискивающее спасибо. Самой от себя противно. Лучше уж сразу сдохнуть, чем так! И в этот момент меня окатило такой волной ужаса, что сбилось дыхание...

Горы, кавказцы, драгоценные камни, из-за которых уже столько бед. Трёхлетний плен Игната. Пытки. Люди, которые уверены, что теперь лишь я знаю где их сокровища...

Споткнулась на внезапно обмякших ногах – раз, другой... Получила рывок за верёвку и, одновременно, увесистый тычок прикладом в спину:

– Пашё-о-ол!

А ещё шагов через тысячу они просто привязали меня к обломку корявого ствола и ушли, оставив совсем одну в окружении призрачных горных теней и непонятных, морозящих кровь звуков. Интересно, здесь водятся волки?

Когда макушки высоких гор позолотились, за мной снова пришли, но на этот раз другие люди: один явно азиат, второй вполне себе рыжий славянин. Который, однако, общался с азиатом на беглом английском. Да и вёл себя как типичный чванливый командос из американского боевичка.

Мы снова пошли без видимых признаков тропинки или хотя бы направления, но на этот раз недалеко: совсем скоро протиснулись в расщелину между отвесными стенами горы, буквально просачиваясь в её твердь. Гуляла бы я в этих горах как обычный турист, в жизни бы не догадалась, что здесь есть проход. А проход был, да не абы какой!

Поначалу узкий, с низким сводом и страшно нависающими над головой глыбами, он постепенно расширялся, петляя и уходя при этом под заметным углом вниз. Сразу стало промозгло и сыро.

За очередным поворотом стояла вооружённая охрана. Там меня облапали, словно до этого никто ни разу этого ещё не делал, но так и не найдя на мне ни оружия, ни взрывчат-

ки, ни хотя бы приклеенного пластырем микрофона и микрокамеры, пропустили дальше.

Блокпосты периодически повторялись, и на каждом меня снова обыскивали, и мы всё пробирались и пробирались куда-то по системе пещер и туннелей, то поднимаясь, то спускаясь, то перепрыгивая ручьи, а то и бредя по колено в ледяной воде. Наконец на очередном блокпосте меня приняли другие люди и отвели... в лабораторию.

Да, это была обыкновенная лаборатория или процедура, в какой, например, сдают кровь на анализы и делают уколы в задницу! Здесь даже стены были выведены по уровень и обложены обычным кафелем, а на широкой белой стене напротив входа красиво подсвечивалось голубеньким светом искусственное окно, создающее на удивление натуралистичное ощущение того, что мы над, а не под землёй. Даже воздух сразу стал казаться свежее и словно появился запах озона.

На стеллажах – какое-то тихо гудящее и мигающее лампочками оборудование, похожее на микроволновки.

Здесь у меня взяли кровь из вены, сделали какие-то замеры, похожие на кардиограмму. Занимающийся этим человек, с лицом наполовину скрытым медицинской маской, наполовину громоздкими защитными очками из пластика, тоже заинтересовался шрамами. Но в отличие от прошлых «экспертов» глупых вопросов задавать не стал, а, тщательно их отфоткав, загрузил в комп и куда-то отправил. Потом вынул из агрегата мою вспененную пробу крови, куда-то её на-

капал, загрузил образец в другой агрегат. Зашёл в компьютер, что-то долго писал в программе, между делом скучающе поглядывая на фальшивое оконце. Снова встал, что-то куда-то переместил, что-то вынул, что-то засунул...

Я полулежала на обтянутой целлофаном кушетке – в одних трусах, с пристёгнутыми руками-ногами, и только и могла, что вертеть головой, провожая своего «лаборанта» взглядом. Как он, выудив из застеклённого, источающего пары сухого холода шкафа несколько ампул и сверяясь по дисплею какого-то плачущего прибора, набрал в один шприц целый коктейль разных препаратов. Аккуратно отложил шприц на лоток.

– У меня всё, – сообщил он кому-то по рации. – Да, всё рассчитано до микрона.

Он вышел, и я осталась одна. Взгляд не желал отрываться от шприца на сверкающем нержавеющей лотке. Какого чёрта здесь происходит? И где это – здесь?!

– Ну-с, приступим, – оторвал меня от тяжёлых мыслей голос.

Я резко обернулась. От двери ко мне приближалась женщина, судя по глазам над защитным респиратором – довольно молодая и даже красивая.

– Это, – взяла она шприц, – уникальный состав на основе токсичных нанометаллов и некоторой органики. Наша разработка. Альтернатива классической сыворотки правды на основе амитал-натрия. Ты ведь, насколько я знаю, пробовала

её? Помнишь это состояние эйфории, болтливости, желания всех любить и разбалтывать секретки, да?

Она говорила спокойно, вальяжно растягивая слова и словно бы даже упиваясь своим положением. Говоря, рассматривала шприц на просвет – зелье в его стеклянной колбе отливало тревожной опалесцирующей синевой.

– Так вот забудь про пьяненький шабаш. Наш коктейль доставит тебя прямиком в Ад. Сначала заломит тело...

Поползла пальцем по моей руке, от привязанной кисти до самого плеча, оттуда на ключицы и замерла на соске правой груди. С улыбочкой обвела созвездие родинок, поползла пальцем к пупку.

– Ломить будет сильно, очень. Но всё-таки не до болевого шока. Потому что одновременно с блуждающим параличом твоя нервная система начнёт давать сбой. И, с одной стороны, ты не будешь чувствовать что-то реально происходящее с твоим телом, а с другой – будешь чувствовать то, что с тобой даже близко не происходит. Например...

Томно очертив пальцем живот, вдруг резко схватила меня за волосы, натянула у корней.

– Например, снятие скальпа. Я читала исторические очерки Дикого Запада, знаешь, там есть занимательные рассказы очевидцев, выживших после скальпирования, и поделившихся своими ощущениями...

Замерла в красочной паузе... и отпустила волосы.

– Так, что ещё, – помяла мой живот, словно пальпируя ки-

шечник. – Ещё может возникать ощущение разрыва брюшной полости. Переломов, удушья и выпадения глазных яблок. Возможно, что-то ещё, чего мы пока не знаем, но узнаем благодаря тебе и тщательно занесём в протокол испытаний препарата. Кстати, во время этих фантомных болей ты скорее всего обделаешься. – Пожала плечами. – Все обделываются. Ну и конечно же ты расскажешь всё, что я только не спрошу! Поверь, умолчать или героизировать при таких мучениях невозможно. Потом, спустя сутки или двое, тебя начнёт постепенно отпускать. Боли утихнут, но запущенные токсикологические процессы необратимы, поэтому боли скоро вернуться, но уже не фантомные, а самые настоящие. Вслед за печенью начнёт гнить желудок, кишечник, конечно же откажут почки и общее заражение крови вызовет жуткую лихорадку и галлюцинации...

Она замолчала и, облокотившись о кушетку, на которой я лежала, мечтательно уставилась в фальшивое окно.

– Какая там сейчас погода? Весна полным ходом, или ещё грязь и слякоть? – Вздохнула. – Если бы ты только знала, как вы все мне надоели! Была бы моя воля, я бы вас всех собрала в одной камере и пустила газ... – Снова вздохнула. – Но приходится работать. Всё для науки, всё для прогресса.

И тут же резко сменив мечтательно-усталый тон на деловой, сорвала с поручня кушетки жгут.

– Короче так, – перетянула моё плечо, похлопала по сгибу локтя, – или ты говоришь всё сама, или... тоже говоришь всё

сама, но уже просто потому, что не сможешь молчать.

Я смотрела на шприц, садистка смотрела на меня. Под её издевательски тёплым взглядом меня уже, безо всякой сыворотки, выворачивало наизнанку от ужаса, а мысли при этом... Мысли даже в такой страшный момент метались вокруг Игната, словно этот предатель до сих пор оставался единственным якорем, не дающим мне сорваться в бурливый омут паники. Как бы он поступил на моём месте? Чтобы сказал? Что сделал?

И осенило!

Замычала, усиленно мотая головой. Садистка рванула с лица скотч, демонстративно остановила иглу шприца возле вены.

– Ну и? Где камни?

– Я... я не помню! Когда маму... когда её... убили у меня... Это, наверное, шок! Память частично отшибло, но я точно знаю, что камни были у нас! – выкрикивала истеричной, сбивчивой скороговоркой и ужасалась от понимания того, что и сама в это верю. Неужели всё так и есть, и Гордеев был прав – на самом деле я всё знаю?! – Мне просто нужно вспомнить, где они теперь! Я просто не помню! Клянусь!

Садистка смерила меня задумчивым взглядом, взялась за рацию:

– Похоже у нас затруднения. Свяжитесь с главным.

Мне выдали одежду похожую на больничную пижаму и тряпочные туфли-мокасины. От рубашки душно воняло

хлоркой, на груди красовалось какое-то так и не отстиравшееся пятно, но я всё равно послушно переоделась. А потом вдруг разрыдалась. Просто шла по мрачному пещерному тоннелю, понукаемая дулом в спину, и заливалась слезами. Такую, зарёванную и окончательно обессилевшую, меня и впихнули в камеру за железной решёткой. Я осела на каменный пол прямо возле входа и, обхватив себя руками, продолжила реветь.

Острая душевная боль постепенно сменялась отупением. Всё стало вдруг так безразлично, слёзы высохли, и только неконтролируемые громкие всхлипы продолжали конвульсивно разрывать грудь. Даже не отрывая головы от колен, я чувствовала, что нахожусь в камере не одна. Кто-то покашливал, кто-то вздыхал. А кто-то даже тихонько посапывал во сне. Не хотела их ни видеть, ни знать, кто они и что здесь делают. И так понятно, что не на экскурсию приехали.

По решётке за спиной вдруг что-то ударило, и я, вскочив на четвереньки, отпрянула.

– Жрачка! – сообщил человек снаружи, и отпёр окошко раздачи.

В камере тут же началось шевеление, и мимо меня словно тени пошли люди. А я, наоборот, так же на четвереньках отползла в дальний угол и затихла, осматриваясь.

Место, где мы находились было не комнатой, а скорее нишей в скале. Этаким грот, вход в который полностью забран металлической решёткой. На полу разложены матрацы и оде-

яла. В дальнем от входа закутке какая-то конструкция из занавесок-тряпок. Судя по запаху – туалет а-ля параша. Не считая меня, в камере находилось пять человек, все молодые женщины, и все они сейчас суетливо громыхали ложками.

– Держи, – раздался голос над головой.

Я подняла взгляд – девчонка немногим старше меня протягивала миску.

– Держи, это твоё, – повторила она.

Я отвернулась. Несмотря на многодневный голод, от мыслей о еде мутило. Девчонка присела рядом, с усилием разжала мои руки и водрузила на колени миску.

– Надо есть!

– Кому надо? – отупело уставилась я на кашу.

– Тебе! Ты же не хочешь в нужный момент оказаться овощем?

– В какой ещё момент?

– В нужный! – отчеканила девчонка и, зачерпнув корма в ложку, поднесла к моему лицу. – А вдруг получится сбегать? Или ты всё, сдалась уже? Так нельзя!

Я увернулась от ложки и девчонка, фыркнув, бросила её обратно в мою миску.

– Как хочешь!

Но не ушла, осталась молча сидеть рядом. Так мы и просидели до самого... вечера? Утра? Ночи?

– Спать тоже нужно, – сказала, наконец, она, и поднялась. – Бери любую лежанку, которая свободна и ложись.

И я снова осталась в углу одна, наблюдая как узницы расползаются по спальникам, возятся, устраиваясь на жёстком полу, и постепенно затихают, то ли засыпая, то ли, словно биороботы, отключаясь от сети. Последнее даже скорее, уж слишком нереальным было происходящее.

Взяла ложку, ковырнула давно остывшую кашу, через силу сунула в рот. Всё правильно. Надо есть, надо спать и, чёрт возьми, нельзя сдаваться. Ведь если бы Игнат в своё время сдался, то...

Игнат.

Снова побежали слёзы. Боль и обида – такие, что дышать не то, что трудно, а просто не хочется... Но я упрямо продолжала глотать кашу, смачивая её солёной горечью слёз, и обещала себе, что не сдамся. Этакая праведная злость – не сдамся... назло ЕМУ!

Покончив с кашей, взяла свободный матрас, подтащила по соседству к девчонке. Улеглась.

– Я хотела сказать спасибо. За поддержку.

Прозвучало как-то сиротливо и неубедительно, но она повернулась ко мне, положила голову на согнутый локоть.

– Обычно, попадая сюда, люди в первые дни перевозбуждены, мечутся, кидаются на стены. Отчаяние приходит позже. А ты... ты как будто сразу пустая. Неужели жить не хочется?

– Хочется.

– Тогда что с тобой не так?

– Просто... – в горле всё ещё стоял ком, грудь давило тисками. – Просто я и правда пустая.

Девчонка приподнялась, всматриваясь в моё лицо сквозь тусклый свет светильника под потолком.

– У тебя тоже кого-то забрали?

– Ну... – я горько усмехнулась, – в каком-то смысле, наверное, да. Забрали. Подожди, что значит – тоже?

Девчонка подползла ко мне, зашептала на ухо:

– Вон, видишь, сидит?

Я подняла голову. Около решётки, судорожно вцепившись в прутья и так плотно прижимаясь к ним лицом, словно пытаюсь проскользнуть наружу, сидела женщина и что-то едва слышно бормотала.

– Вижу.

– Она была с ребёнком. Девочка, лет четырёх, наверное, я видела её всего раз, мельком, когда они только прибыли. Их сразу посадили по разным камерам, ещё неделю назад, и больше они не виделись. И эта женщина тоже сначала долго не ела, не пила, только металась из угла в угол или впадала в прострацию. А потом поняла, видимо, что должна жить до последнего. Ради дочки. А знаешь, почему она там сидит? Там, дальше по коридору, есть ещё такие камеры как наша. У нас тут, в этом крыле, как я поняла, типа предварилочки – сначала сюда, а потом уже распределяют по какому-то принципу дальше. Но детей сразу отдельно. И их тут, кстати, много. Как раз где-то там, дальше по коридорам. Иногда даже

слышно, как они плачут и зовут мам. И это самое жуткое, что я когда-нибудь слышала.

Она говорила, а у меня по жилам полз ледяной ужас.

– Что это за место?

– Да кто бы знал. Нет, у меня, конечно, есть соображения, что это что-то типа подпольной лаборатории. Может, вакцину какую-нибудь изобретают, может, наоборот, заразу. А может, и банально органы вырезают или опыты на людях ставят. Кто кроме самых мясников знает-то? Кстати, из подопытных у них тут только женщины лет до двадцати пяти. Ну и дети всех возрастов. Тоже только девочки. Во всяком случае, мужиков я ни разу не видела.

– Ты давно здесь?

– Почти две недели уже. Шла себе по улице, никого не трогала. Смотрю, человеку плохо. Подбежала, наклонилась... И всё. Очнулась с мешком на голове и верёвкой на шее. В моей партии ещё трое человек было.

– Партии?

– Угу. По двое-четверо, но регулярно, причём со всех уголков страны, чтобы не так заметно, наверное. Прямо налаженный человеко-трафик. Какая-нибудь биолaborатория под эгидой пиндосской демократии. Не удивлюсь.

– Ты говоришь так, как будто разбираешься.

– Нет, совсем не разбираюсь. Но я журналист. С такими темами никогда не работала, но в определённых кругах разговоры ходят. На уровне слухов, конечно, из разряда жёлтой

прессы, но всё-таки. Дыма без огня... Сама понимаешь. Вот такой сюрр в двадцать первом веке. А теперь спи. Утро вечера мудренее.

Удивительно, но той ночью мне действительно удалось уснуть – сказала адская усталость. А побудка началось с грохота дубины по решётке и резкого, с акцентом, окрика:

– Один-один-нол-сэмь, на вихотт!

Сокамерницы завозились, просыпаясь, а журналистка просто лежала, зажмурившись и, зажимая запястье рукой, часто дышала.

– Эй, ты чего? – испугалась я. – Что случилось?

Вместо ответа она убрала руку с запястья, и я увидела набитый синими чернилами номер: 1107

– Кто один-один-нол-сэмь? – входя в камеру спросил надзиратель.

Журналистка выдохнула и стала медленно подниматься. Надзиратель увидел, схватил её за шиворот, вздёргивая на ноги. Девчонка пискнула, и меня сорвало. Кинулась на мужика, со всем отчаянием вцепляясь в его лицо ногтями, но он легко отшвырнул меня. Я отлетела к стене, ударившись спиной осела на пол, а тут же навис сверху, занося дубинку.

– Воу, Джоб, эту не трогать! – окрикнули его из-за решётки. – Эта по спецбазе идёт.

Громила разочарованно крякнул и, схватив за химо, приподнял меня над полом:

– Я с тобой потом поговорю. Когда тебя уже отработают.

Как и все оторопело пронаблюдав, как журналистку выводят из камеры, я в последний миг очнулась, кинулась к решётке:

– Как зовут-то тебя?

– Да какая уже разница, – потеряно отозвалась она. – Отсюда всё равно только в один конец уходят.

Я, до боли вжимаясь в прутья лицом, провожала взглядом её поникшие плечи и опущенную голову. В этом было столько обречённости! Но, уже практически скрывшись из видимости, журналистка вдруг распрямилась, закричала:

– Ольга! Меня зовут Ольга Кречет! Когда выберешься отсюда, расскажи всем, что я всё равно не сдалась!

И она действительно так и не вернулась. А я всё сидела тут и сидела, от отбоя к побудке, от побудки к отбою наблюдая как приводят новых и уводят стареньких. Заметила, что у всех у них есть порядковый номер на запястье. У всех, кроме меня. Радоваться этому или отчаиваться не знала, просто понимала, что несмотря на отсутствие номера, моя очередь всё равно придёт. очередь, которая уже перевалила за тысячу сто... Интересно, это с учётом детей, или их считают отдельно?

А на четвёртые сутки пришли и за мной.

На этот раз меня отвели в другую лабораторию. Там, раздев до трусов, довольно надолго оставили лежать привязанной к кушетке. При этом у длинного стола возле стены как ни в чём не бывало работала группа «научных сотрудников»

Словно меня здесь и не было. Или, что скорее, словно такие как я бывают здесь регулярно.

Наконец в комнату вошли четверо: тот, кто в самом начале брал у меня пробы крови и фоткал шрамы, тётка-садистка, незнакомый мужчина в годах и замыкающий их группу громила. Лицо мужчины в годах было наполовину закрыто лабораторным респиратором, но защитные очки отсутствовали. Да и вообще весь он был такой... холёный. Изысканный парфюм, аристократичная седина на висках, до зеркально блеска начищенные туфли, выглядывающий из-под брошенного на плечи халата идеальный костюмчик и золотые часы на запястье – всё это буквально кричало о высоком статусе посетителя. Не то, чтобы мне хотелось его разглядывать, но, войдя в лабораторию, они сразу прошли к компьютеру и что-то там обсуждали, и мне оставалось лишь ждать и гадать, кто же он такой.

– Покажи, – спокойно, но властно велел он, и лаборант кинулся ко мне, поднял изголовье кушетки, перестёгивая мои запястья за хлястики в изножье, так, что я теперь сидела, сложившись вдвое и вытянув руки вперёд до самых стоп.

Аристократ подошёл, порассматривал крыло.

– Что говорит Глазьев?

– Считает, что опасаться нечего, шрамы слишком мелкие и тонкие для импланта.

– Считает? – в голосе аристократа затрещал опасный холод. – То есть, её притащили сюда с *этим* просто потому,

что он *считает*? – мельком глянул на громилу, оставшегося у двери: – Вызвать и не отпускать, пока не вернусь.

Тот кивнул и вышел, а аристократ взял со столика латексную перчатку, натянул, высокопарно оттопыривая при этом мизинец. Коснулся пальцем моей спины, потыкал основание крыла над лопаткой. Болезненно пооттягивал кожу, проминая каждую линию. Задумчиво хмыкнул.

– Остальное покажи.

Меня перепривязали по-новому, сидя, так, чтобы было видно плечо спереди.

– Откуда шрам? – едва глянув на розу, заметно напрягся аристократ.

Вопрос был обращён ко мне, но я молчала. Он полуобернулся к своим:

– Сделайте ей больно.

Садистка довольно ухмыльнулась и шагнула вперёд, но я не дала ей шанса:

– Это с детства ещё. С велосипеда упала. Просто шрам, который я попыталась скрыть под тату. Ничего особенного.

– Гордеев с ним что-нибудь делал?

– Нет.

– Уверена?

– ... Да, – вспомнив вдруг тот самый первый, маленький, но сильно кровавый надрез, как можно твёрже ответила я.

Однако аристократ уловил моё секундное замешательство. И даже бровью не дёрнул, выражая возмущение, про-

сто схватился за перекатной столик с полным инструментов лотком и с такой силой отшвырнул в сторону, что тот с грохотом перевернулся. Лаборанты у длинного стола испуганно вытянулись, но не посмели ни вскочить, ни сбежать. Да что там, они даже обернуться не посмели, лишь в ужасе замерли, ожидая, возможно, что следом что-нибудь прилетит и в них.

– Какого ***? – рванув с лица респиратор, мигом утратил весь свой лоск псевдоаристократ. – Какого *** здесь ***? Вы *** Все тут ***?

– Но... – залепетал лаборант, – шрам действительно старый и признаков свежего вмешательства...

– Живо на диагностику! – швырнул в него аристократ какой-то схваченной со тола штуковиной, кажется микроскопом. – Живо, ***, на диагностику, и, если там что-то обнаружится, вы у меня ***... – и вдруг обернулся ко мне, зашипел склоняясь ниже: – Советую самой всё рассказать. Я ведь, если надо, плечо тебе вырву и по жилам разберу! Шкуру живьем спущу, чтобы видеть всё наверняка. Что там? Ну?! – больно ухватил рукой в перчатке за подбородок. – Чип?

Он настолько озверел, что я поддалась общей панике и только отчаянно мотала головой, отрицая любые подозрения. Сомнений в том, что все его угрозы сбудутся не оставалось, особенно теперь, когда я и сама поняла вдруг насколько была слепа. Ну конечно! Игнат просто использовал меня чтобы вычислить это место! И хотя шрамирование выпросила я сама, но началась-то моя «шиза» с его ярких рассказов

о том, как это бывает и как это умеет делать он сам! Так сама ли я захотела? Или это тоже была его тихая, исподволь, игра, нацеленная на то, чтобы убедить меня в том, что нужно ему, причём так, что я и не догадалась бы, если бы не...

Паника поднялась нешуточная. Словно муравьи, растревоженные потопом, суетливо замельтешили белые халаты и даже пару раз промелькнули костюмы полной биологической защиты, говорящие о том, что в этом месте есть лаборатории куда серьёзнее тех, где побывала я...

Однако и закончилось всё так же быстро.

Из диагностики у них тут оказался лишь переносной маломощный рентген, больше похожий на те, что используются в ветеринарных клиниках, и аппарат УЗИ. Наверняка псевдоаристократ с удовольствием запихнул бы меня в тотальный томограф, но уж такова плата за изолированную укромность лаборатории, что сюда при всём желании не протиснешь ничего громоздкого.

УЗИ показало, что ни в плече, ни в «крыле» нет ничего инородного.

– Мягкие ткани абсолютно чистые, даже признаков имплантов нет, видишь? – указывал пальцем в экран диагност. – Суставы тоже в норме. – Потом он проверил крыло, особенно тщательно рассматривая его рельефное основание над лопаткой. – Здесь тоже. А тут... – небрежно скользнул датчиком ниже, к растворившимся «недорисованным» пёрышкам, – ну тут вообще просто поверхностные царапины,

даже смотреть нечего.

Садистка сидела напротив, сцепив руки на груди и нервно постукивая каблуком по ножке стула. Задумчиво хмурилась.

– Ну допустим. Тогда зачем он вообще сделал это с тобой?

– Потому что он извращенец, помешанный на шрамах, – хрипло повторила я слова своего самого первого конвоира. В горле стоял ком, в груди расплзлось удушающее разочарование. – Об этом все знают. Все... кроме вонючих червей из подземелья.

В ответ получила удар по лицу, и меня снова перевели в другое помещение со множеством шкафчиков и белыми кафельными стенами. Здесь было холодно и остро пахло чем-то медицинским, таким отчего невольно замирало сердце и тревожно подводило живот... но мне было всё равно. Не волновала ни разбитая губа, ни предстоящие пытки.

Нет никакого датчика. А значит, и никакого сверхважного умысла отдать меня этому психованному аристократу, кроме как получить от него взамен моего отца.

Переход от горечи предательства к неожиданному пониманию что всё не так, к радости, надежде и даже готовности пожертвовать собой, лишь бы это место действительно выявили и уничтожили... а затем снова к горькому разочарованию и безысходности был настолько резким, что я, похоже, всё-таки сдалась. Нет, я не могла как Ольга Кречет – до последнего гордо держать голову поднятой. Потому что меня косил вовсе не страх за свою жизнь, а пустота в душе,

глубокая и тёмная. И вовсе не здесь меня сломают, замучают и убьют, потому что это уже сделал Игнат, предав. И теперь я только конвульсивно дёргаюсь, зачем-то цепляясь за призраки надежды. Надежды на что? На чудо? Чудес не бывает, так говорил сам Игнат. Только причины и следствия.

Я поверила не тому и, как следствие, получила не то, вот и всё. А доверилась бы Морозу, сидела бы сейчас в безопасности. Проклятый крокодил. Ну и каково тебе теперь? Доволен ли своей мезтью? Не ёкает ли сердце, при воспоминании о цене?

Впрочем, камни не ёкают, не болят и не сожалеют. Они вообще только и могут, что делать больно. И хотя бы в этом Игнат не врал.

– Где камни?

Вопрос прозвучал так в тему мыслям, что я рассмеялась. А по щекам скользнули слёзы.

– Понятия не имею.

– Ах да, у нас же амнезия! – с ядовитым удовольствием ухмыльнулась садистка. – Ну что ж, я помогу вспомнить. Это будет намного больнее, чем если бы ты рассказала сама, но тем интереснее.

Я безразлично скосила на неё глаза.

– Валяй. Даже интересно, что сделает с вами ваш главный психопат, когда до него дойдёт, что Гордеев его просто поимел.

– Тю-тю-тю, – ухмыльнулась садистка. Ей полегчало, и это

было заметно: тон уже спокойный и даже шуточный, словно сволочь и сама забавлялась недавней паникой. – Какая милая наивность! Неужели ты думаешь, что твой дорогой Гордеев не дал нам гарантии, что ты всё знаешь? А он дал, и такие, что сомневаться в них не приходится. Тем более теперь, когда мы точно знаем, что нет никакого чипа, а значит, и никакого смысла рисковать жизнью, затеявая такую сложную игру с теми, кого побаивается сам Бог! Так что не упрямясь, девочка. У нас есть всё для того, чтобы ты заговорила, от гипноза до банальных пыток и даже трепанации. А если и это не поможет, мы применим кое-что безотказное, такое, от чего ты, по уши влюблённая дура, заговоришь едва только эта дверь откроется и сюда введут...

Оглушающий грохот содрогнул скальную твердь от недр до самой макушки, и всё вмиг смешалось: камни, осколки стекла и обломки приборов, пыль, крики, конвульсивно мигающий свет... Снова грохот. И вдруг – полная темнота. И всё, что я успела заметить в последнее мгновение – садистку, разmozжённую ворвавшейся сквозь панельный потолок глыбой.

Тьма была настолько густой, что, показалось, вместе со светом кончился воздух, и только призрачно светилась покосившаяся табличка «Exit» там, где раньше была дверь, да аварийные светодиоды на истерично пищущих, не до конца раскуроченных приборах.

Звуки выстрелов. Да! Выстрелов! И вслед за ними – на-

растающий гул, от которого задрожало вообще всё. И чей-то жуткий выкрик издалека:

– Обвал!

Я заорала, в панике пытаюсь выдрать прикованные к кушетке руки. Казалось, оторву себе к чертям кисти, но вырвусь, однако хомуты не поддавались, а вокруг, в полной тьме и хаосе грохотали, прорываясь сквозь стены и потолок камни. Я уже хрипела в крике, но билась до последнего, когда ощутила вдруг в воздухе, а потом и на языке что-то странное, слегка холодящее...

Глава 3

Я провела взаперти две недели, хотя чувствовала себя уже вполне сносно. Да, иногда подташнивало по утрам, и в целом нахлобучивала странная сонливость, но если в первые дни, после того как меня только доставили в эту клинику, мне ещё проводили какие-то обследования – брали кровь, наблюдали состояние и всё такое, то сейчас я просто жила на полном пансионе... и в полной изоляции. И тут уж к бабке не ходи – я пребывала в самом банальном карантине.

После того, как в кутерьме обвала по языку пополз странный холодок, я очнулась уже на поверхности. Горели два прожектора, сновали люди в противогазах и с оружием, подтаскивая всё новых и новых пострадавших, либо выводя своим ходом уцелевших – кого-то под прицелом, а кого-то наоборот, заботливо прикрыв термоодеялом. Кричали дети, стонали раненые, стрекотал, отражаясь от скал, грохот винта вертолѐта...

На этом самом вертолѐте нас малыми партиями и эвакуировали из гор в долину – сначала «тяжёлых», потом тех, кто пострадал меньше, в том числе и меня. Оттуда автотранспортом до аэропорта. А там уже спецборт.

Удивительно, но, если не считать саднящей, похожей на начинающуюся ангину боли в горле и трахее – последствия усыпляющего газа, я была абсолютно цела. Разбитая садист-

кой губа не в счёт. И конечно, я пыталась задавать вопросы! Но никто, абсолютно никто, кроме медика, ещё там, в горах, со мной в разговор не вступал. Да и медик, приземистый мужчина средних лет в камуфляже, лишь опросил меня о самочувствии, о том, какими процедурам я подвергалась «на объекте» и коротко распорядившись помощнику:

– Один-тринадцать, в общую, – указал мне подбородком: – Идите за человеком, он отведёт вас к вашей группе, там ожидайте эвакуации. Если состояние ухудшится или почувствуете новые симптомы, сразу дайте знать!

И всё. Больше мне никто ничего не объяснял, не сообщал что случилось.

В моей палате в клинике был телевизор, но новости тоже молчали. Словно и не было никакой лаборатории, и никакого её захвата. Я даже не знала, где именно нахожусь, хотя бы в каком городе. Только видела высокий глухой забор и то ли лес, то ли огромный парк за окном.

Но больше всего я хотела знать, что с Игнатом! Где он? Как он?

Уверенность в том, что случившееся в лаборатории не обошлось без его личного участия крепла с каждым днём. Последние слова садистки о том, что если я не заговорю сама, то ко мне, *влюблённой дуры*, приведут кого-то, в присутствии кого я точно не стану молчать, бередили. Интуиция подсказывала – речь шла об Игнате. Ну а о ком ещё?! Так почему же он до сих пор не пришёл сюда? Неужели...

Думать об одиннадцатом крокодиле разе, с которым он не справился, было невыносимо. И тем мучительнее изо дня в день, за часом час ожидать хоть кого-то кто сможет дать ответы!

Через две недели изоляции мне снова провели полное медицинское обследование. Я, несмотря даже на сносное самочувствие, втайне жутко волновалась, что что-нибудь да найдут. Что в суматохе катастрофы из какой-нибудь лабораторной колбы вылетела какая-нибудь неведомая зараза, и, уж с моим-то везением, обязательно прицепилась именно ко мне...

Но спустя пару дней после обследования дверь моей палаты наконец отворилась, и в неё вошёл не человек в костюме биологической защиты, а самый обыкновенный гражданский мужчина, которого с больницей роднил разве что небрежно накинутый на плечи медицинский халат. Впрочем, бахилы на обычных уличных ботинках всё-таки выдавали в нём человека постороннего. А значит, конец карантину!

Я в тот момент сидела в изголовье койки и смотрела передачу по телеку, а при появлении мужчины отчего-то вдруг тревожно подобралась. Сердце пропустило пару ударов.

Человек кивнул вместо приветствия и, плотно прикрыв за собой дверь, подцепил стул у порога, поставил напротив меня. Неторопливо уселся, так же неторопливо извлёк из папки бумаги.

– Как ваше самочувствие, Зореслава Олеговна?

– Вы кто?

– Я, скажем так, лицо уполномоченное довести до вашего сведения некоторую важную информацию. Моё имя вам знать не положено, но для удобства можете называть меня Виктором.

Посмотрел строго, словно ожидая согласного кивка, и, так и не дождавшись, кивнул сам:

– Итак, согласно последнему обследованию, здоровье ваше в норме, и вы не представляете угрозы для окружающих. С чем вас и поздравляю. – Лизнув палец, вынул из пачки лист, отложил на тумбочку. – Вот заключение, можете ознакомиться.

Я скосила глаза на бумагу, но не шелохнулась.

– Теперь далее, – продолжил Виктор. – Я также уполномочен передать вам искренние соболезнования в том ужасе, который вам довелось пережить, а также поздравления в благополучном, лично для вас и для общества в целом, исходе и выразить надежду на то, что плохие воспоминания вскоре останутся в прошлом, и вы сумеете начать новую, не омрачённую страхами и опасениями за свою безопасность и здоровье жизнь. При этом прошу обратить самое пристальное внимание на то, что происшествие, в котором вам невольно довелось поучаствовать, является государственной тайной, разглашение которой карается наказанием в виде реального лишения свободы сроком от двух до пятнадцати лет,

в зависимости от степени вреда, причинённого разглашением. Словом, никаких журналистов, мемуаров, и даже просто кухонных сплетен, думаю, это понятно. Вот, пожалуйста, – протянул мне подшивку бумаг, – внимательно ознакомьтесь и задайте, если есть, вопросы. Затем подпишите соглашение о неразглашении, оно размещено в конце документа.

Я взяла протянутые бумаги. Рука дрожала, и человек это конечно заметил, однако виду не подал, поднялся со стула и отошёл, давая мне время на чтение.

Буквы скакали по строчкам, не желая складываться в текст, мысли разбегались. Какое, к чёрту соглашение, они издеваются?!

Подняла глаза на мужчину. Он, перекатываясь с носков на пятки, с невозмутимым интересом разглядывал пейзаж за окном, так, словно я всего лишь очередная в длинном списке тех, кого он уже «известил» и кого только предстоит.

Почему именно он? Где те, кого я знаю? И даже если предположить, что с Игнатом что-то случилось – всё равно, почему не Мороз? Не Док? Не Коломоец, в конце концов? Неужели я не заслужила хоть сколько-нибудь персонального отношения?!

– Что-то не так? – полуобернулся «Виктор»

– Что произошло на самом деле? И что это вообще было за место?

– Этого вам знать не положено, Зореслава Олеговна. И даже очень удачно, что и не знаете – тем меньше соблазнов

изливать душу подружкам, и проще держать язык за зубами. Не говоря уж о том, что вам несказанно повезло, что над вами не успели провести никаких манипуляций.

– Может, это потому, что я... шла у них по *спецбазе*?

Как могла выделила слово и только что бровями не пошевелила, чтобы усилить акцент. Надрывно гудело сердце, качая ставшую вдруг раскалённой и вязкой кровь. Душным волнением вспыхнули щёки. Смотрела человеку в глаза, ловя каждую тень его ответных эмоций... Но он лишь приподнял бровь, искренне удивляясь:

– Спецбаза? Это как?

Я растерялась. Если уж он, сотрудник конторы, действительно не в курсе тонкостей спецоперации – могу ли говорить об этом я?

– Что вы имеете в виду, Зореслава Олеговна? – повторил он с нажимом. – Вам есть что сообщить нам?

– Номер, – отводя глаза и отчаянно боясь, что он догадается о моей лжи, пискнула я. – У всех там были номера на запястье, вот здесь... А у меня нет. Я думала, это что-то значит? Что-то... особенное?

– Ах вот вы о чём. Да, отсутствие у вас номера зафиксировано в деле. Но на данном этапе у нас нет причин видеть в этом какой-то особенный смысл. Скорее человеческий фактор, сыгравший, между прочим, в вашу пользу – вам не придётся выводить тату. Что-то ещё? Зореслава Оле...

– Где Мороз? – выпалила я, перебивая. Понимала, на-

сколько это глупо звучит, но что ещё могла, если фамилию-имя забыла едва ли не сразу после первой встречи.

– Кто? – не понял Виктор.

– Мороз! Ну такой, взрослый, с белыми седыми волосами и красным, словно изрытым лицом. Вы должны его знать, не может быть, чтобы не знали, у него высокий чин! Или хотя бы док! Ну уж его-то вы точно не забыли бы, он такой... Доктор Айболит, классический! Прямо как из мультика!

Виктор в два шага оказался возле стула и, крутнув его на ножке, оседлал. Лицо стало сосредоточенным и строгим.

– Давайте подробнее. Кто это? Фигуранты, которых вы встречали на объекте? Тогда почему вы не рассказали о них ранее, во время предыдущего опроса? Но в любом случае, тогда или сейчас, нужно больше подробностей, потому что среди задержанных и ликвидированных подобных лиц не найдено, и это может значить, что части преступников удалось скрыться. Может, какие-то дополнительные приметы? Имена? Чем конкретно эти лица занимались на объекте?

Я зажала виски руками. Голова трещала, при этом Виктор смотрел так въедливо, что становилось страшно.

– Да нет, это не на объекте... Это... Это когда я очнулась уже на поверхности, они же были там. Спрашивали, как себя чувствую, говорили, что, если что, я могу к ним обращаться в любое время. – Глаза защипало, и комната поплыла в дымке наворачивающихся слёз. – Разве нет?

– Айболит и Мороз, так? – Виктор помолчал, задумчи-

во кивая своим мыслям. – Знаете, по соглашению, которое вы держите в руках, вы не имеете права обращаться к случайным психотерапевтам. Вернее, обращаться-то можете, но не по поводу известных событий и возможных, связанных с ними... эм... затруднений. Поэтому я оставляю вам контакт специалиста, к которому обратиться можно. – Вынув из папки листок, принялся писать. – Замечательная, понимающая женщина, наша сотрудница, ей вы сможете рассказать всё без утаек.

– То есть вы думаете, что я просто поехала крышей?

– Нет. Скорее газ вызвал у вас галлюцинации. Такое бывает довольно часто. Просто зря вы не рассказали об этом вашему лечащему, он назначил бы стабилизирующую терапию. Но, в любом случае, вот, держите контакт психотерапевта. – Протянул бумажечку.

Я взяла, взволнованно потеревила, решаясь.

– А вы что-нибудь слышали о... Об Игнате Гордееве?

– Да, конечно, – после небольшой паузы ответил Виктор, и в его голосе неожиданно проскользнуло сочувствие. – Не переживайте, он объявлен в розыск, и думаю, что рано или поздно обязательно предстанет перед судом.

Я вскинула голову.

– Что? Что вы сказали?!

– Я лично очень соболезную вам в связи с такой жесткой гибелью вашего отца, но поймите, что следствие не всесильно, особенно когда речь идёт о таком подготовленном чело-

веке, как Гордеев.

– Отца?... – прохрипела я, прозревая вдруг. – А, да... Да, я понимаю... Следствие... И... – Горло перехватило, и я умолкла.

Значит, это всё правда? Игнат действительно добрался до него и устроил показательный самосуд? Публичное торжество справедливости? Священная месть?

А я? Я тогда что, действительно просто одна из жертв лаборатории? И её захват действительно никак не связан ни с Игнатом, ни с Морозом? Да и нет для меня теперь никакого Мороза, и никакого Дока, как и нет их для всех остальных простых гражданских...

– А давайте-ка я зайду в другой раз, – поднимаясь со стула, вырвал меня из хаоса мыслей Виктор. – Скажем, послезавтра. Мне кажется, этот разговор вас растеребил, и вам нужно собраться с мыслями. Соглашение о неразглашении оставлю здесь, чтобы вы могли ознакомиться без спешки. Как раз в новый экземпляр включу дополнительный пункт о том, что вам разрешено обращаться к психотерапевту Илясовой. – На выходе остановился вдруг. – Кстати, такой ещё деликатный момент... Может, ещё до выписки вам стоит серьёзно проконсультироваться со специалистами по поводу беременности? Наши токсикологи говорят, что применённый газ хотя и относится к малотоксичным, но теоретически способен вызывать мутации на сверхмалых сроках развития эмбриона, не вызвав при этом его гибели. А значит, патоло-

гии будут выявлены у уже подрастающего плода, и это куда серьёзнее. Поговорите об этом с врачом. Возможно, стоит подумать об аборте, раз уж вы всё равно пока здесь?

Глава 4

Около 7 месяцев назад

– Я ждал тебя, – удовлетворённо откинулся в кресле Дед, – мне ещё в прошлый раз показалось, что мы не договорили.

– Контора готовит мне замену, – без предисловий перешёл сразу к делу Гордеев. – Вы опасаетесь, что мои игры в отношения с девочкой зашли слишком далеко и в решающий момент я не смогу завершить начатое. Так?

Дед развёл руками:

– Чем эффективнее агент, тем пристальнее к нему внимание, кому, как не тебе это знать? И у меня действительно есть ощущение, что ты... – покачал головой подбирая слово, – слегка колеблешься. При этом и не доверять тебе оснований нет, но избежать любых сюрпризов мы просто обязаны. А поэтому было принято решение вывести тебя из операции. Не думаю, что это вызовет затруднения с основным сценарием. Даже наоборот, есть мнение, что если девочку отдаст Жагровским кто-то другой, кто-то, кто увёл её из-под твоего легендарно-влюблённого носа – это вызовет больше доверия, чем если её отдашь ты сам. И я очень надеюсь, что тебе хватит ума не идти против Конторы. Не хотелось бы применять контрмеры.

Гордеев пожевал губу.

– Не пойду, это бессмысленно. У меня другая цель.

– Ах вот даже как? И это ты мне сейчас вот так запросто говоришь, да? О том, что у тебя какая-то там другая цель? – Дед недобро нахмурился, но Гордеев выдержал взгляд. – Объясниться не хочешь?

– За этим и пришёл. Дело в том, что я изначально ошибался. Вернее, схема просчитана верно, но она, как теперь выясняется, малоэффективна из-за недостоверной информации на которой основывалась. На самом же деле Жагровские ничего не решают и скорее всего даже не имеют прямого выхода к верхушке. Они лишь пешки, причём, довольно мелкие, и, отдав им девчонку, вы её просто сольёте ни за грош.

– Возможно. Но они всё равно единственный ключ, который у нас есть на данный момент. Только через них можно попытаться продвинуться дальше. К тому же, теперь я вижу, что не ошибался, и ты действительно готов поддаться эмоциям. Ну и что это, жалость? Муки совести? Или иллюзия личного счастья? – с каждым словом изрытое ожогами красное лицо Деда становилось совсем уж пунцовым, слова срывались с губ сухо и жёстко. Лыдисто-голубые глаза недобро сощурились: – А тебе напомнить, ЧТО стоит на кону? Или озвучить новые данные разведки? Пожалуйста: в Китае негласно введён оранжевый уровень. А значит, у них уже есть прецеденты. Да, единичные. Да вовремя выявленные и локализованные. Но они есть, а значит лаборатории существуют, а всё остальное – лишь вопрос времени и эффек-

тивности работы тамошних спецслужб. А что у нас? Учтите-
вая, что мы который год топчемся на одном месте и только
появление этой девочки хоть как-то сдвигает всё с мёртвой
точки? Сдвинуть – это самое сложное, ты же знаешь. Стоит
лишь сдвинуть, а дальше пойдёт. Так что нет, Гордей, ты не
ошибался. Ты, мать твою, с самого начала сделал правиль-
ную ставку на Жагровских и создал действительно эффек-
тивную схему по внедрению в их группировку! И она будет
отработана, как бы ты теперь ни пытался соскочить. И де-
вочка эта твоя в любом случае остаётся у нас! – треснув ку-
лаком по столу, подышал, гневно трепеща ноздрями. В серд-
цах двинул от себя какую-то папку. – Если её вообще удастся
найти и перехватить раньше Жагровских. Вот уж где слив,
так слив! И, между прочим, исключительно благодаря твое-
му самоуправству и несогласованности с центром! Это ты её
упустил! Ты! Заигрался, а теперь на попятную? Пытаешься
убедить, что девчонка не так уж и важна? А может, она во-
обще уже давно у тебя, и ты пришёл отводить от неё стрелки,
м? Что прикажешь думать?

– Я прекрасно понимаю ставки, – скрипнув зубами, про-
рычал Гордеев, – и последнее, чего я мог бы захотеть – это
слиться. Однако теперь очевидно, что возможен и другой
расклад для операции. В разы действеннее, бьющий точно в
цель, минуя хороводы вокруг мелких посредников типа Жа-
гровских. То, что позволит нам не только выйти на верши-
ну пирамиды, но и, с огромной вероятностью, выявить рас-

положение самой лаборатории уже в ближайшее время. И я готов дать этот новый расклад... но у меня есть ряд условий.

– Что?! – резко подался вперёд Дед. – Да ты... Ты совсем охренел? Кому нужны твои условия, если прямо сейчас, по щелчку пальцев, я могу закрыть тебя лет на десять за срыв операции и неподчинение в условиях массовой угрозы населению?

– Можешь, да, – отбросив вдруг формальности, Гордеев двинул к себе стул, уселся через стол от начальника. – Но не делаешь, потому что знаешь, что новый расклад у меня наверняка действительно есть, и он наверняка действительно в разы лучше прежнего. И я прекрасно понимаю важность и срочность миссии, а поэтому и расклад обязательно дам. Но только на своих условиях. Просто выслушай. Там ничего сверхъестественного.

Дед ярился, балансируя между справедливым начальственным гневом и рациональностью, и Гордеев действительно ходил по грани... но отступить было некуда. С его собственной лёгкой руки Славка попала в безвыходную игру махин. Но если тогда она была для него лишь меньшим ради большего, то теперь...

Нет, ничего не изменилось, и один по-прежнему не равнялось тысячам, а сам он не превратился из циничного расчётливого мудака в плюс-минус нормального человека. Но стало вдруг ясно, что «меньшее ради большего» – это лишь бесконечный фрактал, в котором и сам он всего лишь мень-

шее, а вот Славка... Она как минимум имеет право на шанс.

– Ну допустим, – согласился-таки Дед. – И чего же ты хочешь?

Гордеев оборвал напряжённую игру желваками. Взгляд глаза в глаза, безмолвный разговор о степени доверия. И доверие было – крепче стали и надёжнее любых подписей, слишком уж через многое прошли эти двое вместе до того, как один подался в командование, а другой в спецслужбы.

– Мне нужны гарантии, Ген. Для неё.

Дед обречённо мотнул головой.

– Да кто бы сомневался! Но ты хоть понимаешь, насколько это непрофессионально?! Недопустимо!

Гордеев упрямо молчал, и Дед, недовольно посопев, махнул рукой:

– Ладно, продолжай!

...Тот разговор продлился весь день и завершился далеко за полночь. Что-то Дед прекрасно знал сам, но что-то, словно козыря из рукава, вывалил перед ним Гордеев. Например факты, безоговорочно указывающие на Утешева, как на вершину пирамиды.

– Ты в своём уме? – строго, но, судя по потяжелевшему взгляду «в себя», вовсе не отвергая услышанного, буркнул Дед. – Утешев недосыгаем. У него крыша на уровне правительств. Нас либо ещё на подготовительном этапе завернут по бюрократической линии, с понижением в чине, естественно, либо вообще устранят физически, если мы вопреки

всему окажемся хоть сколько-нибудь близки к истине. И ты никогда не узнаешь, кто именно из своих сработал против. Слишком высоки ставки. Слишком.

– Именно поэтому я и предлагаю рискнуть в обход вообще всех. До определённого этапа, конечно.

– Рискнуть... – постучал карандашом по столу Дед. Он не трусил, нет. Он уже думал на два-три шага вперёд, и Гордеев это знал. – Только почему-то в расход ты готов пустить наши с тобой головы, а для девочки этой выбиваешь гарантии. Гарантии, которых я тебе дать не могу! И никто не сможет, слишком много тут неизвестных переменных!

– Я понимаю риски. Поэтому прошу лишь главного – это дело буду дорабатывать я. Никого из Конторы ты к Славке и близко не подпустишь, никаким Жагровским или кому угодно ещё её не отдашь. Я всё сделаю сам, но лишь тогда, когда она будет готова, и когда ляжет нужная карта. А когда – это тоже решу я сам. Словом, мне нужна полная свобода действий и незамедлительная поддержка по первому же запросу.

– Охренел совсем! – устало растёр Дед затылок. – Может, тебя сразу в это кресло посадить, да и командуй сколько влезет?

– Спасибо, обойдусь, – так же устало выдавил усмешку Гордеев. – Просто пообещай, чисто по-дружески, что на уровне управления сделаешь всё для её безопасности. А когда это всё закончится, оградишь от любых нападений Кон-

торы. Просто сделаешь её одной из случайных пострадавших и при первой же возможности поможешь исчезнуть с радаров. Финансы я обеспечу.

Дед поднял на Гордеева прозрачно-голубой взгляд.

– Это что, мать твою, завещание? – Нахмурился, вглядываясь в непроницаемо-тёмные глаза друга и давнего боевого товарища. – Какого хрена ты задумал, Гордей?

Глава 5

Прошёл месяц, за ним второй, третий... Я жила в собственной купленной квартире в новостройке, под настоящим именем и с приличной суммой на счету. Эти деньги, как объяснил, передавая восстановленные документы Виктор, достались мне от мамы. Вот уж не думала, что у неё была возможность накопить столько в тайне от отца! А может, она и правда украла у него камни и успела продать? Куда-то же они делись! Или... Или это послание от Игната?

Ну уж да! Отступные, ага. На случай, если меня случайно не замучают насмерть в лаборатории, куда он меня фактически продал. Нет, бред. Проще поверить в тайный след Коломойца, как раз у него, вроде, папа олигарх. Или я снова всё путаю?

Словом, что-то с этими деньгами было не так, но именно благодаря им у меня теперь имелось всё для красивой, сытой жизни. При этом сама я походила на иссохшее море. Мне не хотелось ничего, пустота выедала изнутри с утра до вечера. А по ночам снился Игнат. Я ненавидела эти сны, но ждала их. Ранилась об них, словно об острый край разбитого сердца, но расстраивалась, если снилось что-то другое.

Периодически мне казалось, что я чувствую его взгляд, и иногда это ощущение становилось настолько нестерпимым, что я оборачивалась и всматривалась в лица прохожих... Но

не находила ни одного знакомого. Игнат словно дышал мне в спину, я словно осязала его присутствие, всё глубже погружаясь в болезненно-тоскливый анабиоз. Ни живая, ни мёртвая, потерявшая смыслы, но упорно ждущая чего-то.

Встречи? Да, пожалуй. Хотя и не знала, зачем мне это. Скорее уж понимала, что ни к чему.

Спрашивала его во снах – за что он так со мной? Хотела быть жёсткой и непреклонной, подогревала обиду в сердце, тщательно раздувала, ища в ней спасения... Но в ответ, как на зло, чувствовала лишь его любовь, от которой хотелось жить дальше, и просыпалась в смешанных чувствах – и радостная, и потерянная.

Набравшись, решимости разобраться с этой зависимостью, даже сходила пару раз к той самой психотерапевту Илясовой... Но рассказать ей свою постыдную правду так и не смогла, снова и снова оставаясь с больной любовью к предателю один на один.

Я словно жила в выдуманной реальности, где если и были какие-то обиды, то давно уже найдены все оправдания и подобраны нужные слова для встречи... И самой же становилось от этого тошно – надо же быть такой безвольной тряпкой!

Снова пыталась собраться, забыться, отвлечься... но лишь ещё больше погружалась в злую тоску. А реальная жизнь в это время проходила мимо, и за все почти четыре месяца я не обзавелась ни подружками, ни хотя бы добрыми

знакомыми.

А он говорил Феникс. Говорил, восстану из любого пепла. Смогу.

Лжец. От первого до последнего слова – лжец и предатель! ...Хоть бы на миг его увидеть. Может, хоть тогда это навязание отпустит?

Становилась иногда возле зеркала, смотрела на плавно круглеющий живот и думала – зачем мне это? Я ведь даже не знала, будет ли ребёнок здоровым. Но и об аборте упрямо не желала и слышать. И похоже, что именно беременность и держала меня на плаву. А может и нет. Может, это был всего лишь страх потерять последнюю связующую нас с Игнатом ниточку?

Как же глупо! Как будто не он эту нитку безжалостно оборвал!

А вдруг не он?

Дура. Хватит уже.

А ещё я смотрела на крыло. Шрамы, как и пророчил Игнат, становились всё плотнее и светлее, окончательно походя на невесомый ажур, а то счастливое время, когда я их только выпрашивала и потом, когда шрамы уже заживали, окончательно заволакивалось дымкой, неизменно-ясным в которой оставалось лишь одно – поцелуи. Трепетные, жаркие, жадные, впопыхах или неторопливые, хозяйские или украдкой, мимолётные или долгие, до головокружения и последней капли дыхания... Каждый миллиметра тела, каждый

пальчик, каждая прядь волос, каждая родинка... И от этих воспоминаний до сих пор тут же щекотливо высыпали мурашки и наворачивались слёзы.

Если бы я только знала тогда, чем всё закончится, я бы отбросила страхи и сомнения, и жила каждый день, как последний! Целовала бы в ответ его губы, каждую линию на ладонях, каждый шрам. Держала бы его за руку во время ночных приступов, не давая страху и боли власти над ним. Оберегая своей любовью и верностью. И пусть потом было бы его предательство – это неважно пока есть сладкий дурман жи. Важно лишь то, что тогда я была действительно счастлива, а сейчас... Сейчас меня как будто просто нет, хотя у меня теперь есть всё.

И ведь именно вот это всё и обещал мне когда-то Игнат! Легальность, спокойствие и достаток. Сейчас я даже могла в любой момент поехать на Карибы, хотя, подумать только, ещё прошлой осенью смеялась, как сумасшедшая, услышав об этом! Да, у меня теперь было всё... кроме него. Впрочем, как раз себя-то он мне и не обещал. Никогда.

Так странно. Почему плохое забывается, словно и не было, а хорошее остаётся вопреки всему? Разве не наоборот должно быть?

Снова злилась на себя и, понимая, что сама заточаю себя в склепе никому не нужных воспоминаний, и решительно выходила в люди. Знакомилась с соседями по подъезду, записалась на фитнес для будущих мам, нашла репетитора по

биологии, твёрдо решив, что когда-нибудь обязательно снова поступлю на ветеринара.

«...Какой-нибудь большой город, где есть конюшня и академия для лошадиных докторов. Если не передумала, конечно...»

Я не передумала, и это было сущее наваждение. Словно не было ни лжи, ни предательства, и я просто в очередной раз жду его из затянувшейся поездки «кое-куда, кое-что проверить», и единственное чего действительно боюсь, так это этих его «А если вдруг что, с тобой свяжутся...»

Говорят, время лечит, но чем дальше, тем чаще я плакала. И окончательно понимала, что действительно жду его, так мучительно и на износ, что встреча, какой бы горькой она ни случилась и чем бы ни закончилась – стала бы избавлением.

Ещё через месяц, обычным поздним вечером перед телевизором, я вдруг поняла, что, постоянно погружённая в себя, давно уже не ощущала шевеления малыша. И вот тут-то накрыло по-настоящему! Едва дождавшись утра, я рванула в женскую консультацию и сразу же загремела на сохранение.

– Там всё нормально? – с трудом сдерживая дрожь в голосе, пыталась я лечащего, а та в это время вдумчиво рассматривала результаты анализов и УЗИ.

– Ну-у, у плода никаких явных патологий не видно, основные показатели в нижних пределах нормы...

– Это опасно? Честно, скажите!

– Честно? – подняла врач взгляд с бумажек на меня, и

взгляд её оказался неожиданно строгий. – Если честно, то обратись ты на день-другой позже, то, возможно, и сохранять было бы уже нечего. А если ещё честнее, то либо ты прекратишь издеваться над собой и ребёнком, либо сразу смиришься с тем, что не выносишь.

– В каком смысле... – обмерла я.

– В прямом! Посмотри на себя! Ты набирать должна, а не сохнуть день ото дня! Кожа да кости, под глазами чернота, как у енота! На учёт вставала – почти на семь килограммов больше весила! А по анализам, ты гляди-ка, здорова, и на токсикоз жалоб нету! Тогда что, диета какая-то? Фигуру бережешь? А о ребёнке подумать не хочешь?!

Словом, она отчитала меня до слёз, правда под конец приобняла и, понизив голос, добавила уже по-матерински ласково:

– Вас ведь теперь двое, Слав, и если ты сама о своём ребёночке не позаботишься, то и все доктора в мире будут бессильны...

Меня выписали через две недели, набравшую целых полтора килограмма, в кои-то веки выспавшуюся и словно даже обновлённую. У меня как будто появился новый смысл, которого я раньше не понимала – ребёнок. И я окунулась совсем в иное ожидание. Ожидание не возврата к прошлому, а нового, крепнущего во мне чуда. И моё чудо, я теперь точно это чувствовала, радостными толчками отзывалось на прикосновения к животу и чутко реагировало на перепады

настроения, побуждая искать в жизни светлую радость и отпускать печали.

Это было похоже на возрождение, и оно было настолько мощным и уверенным, что потащило за собой хорошие перемены – подружки по фитнесу, новая соседка с грудничком, с которой так интересно было болтать о насущном и тискать её карапуза. А ещё, совсем уж неожиданно, в моей жизни появился вдруг мужчина – брат соседкиного мужа.

Почти тридцать, высокий симпатичный владелец клиники детской стоматологии. С открытой, доброй улыбкой и поразительным умением находить общий язык вообще со всеми. Правда, поначалу я отнеслась к нему настороженно, чувствуя непраздный интерес к себе и на корню пресекая любые попытки сближения. И всё же однажды, месяца через полтора деликатных ухаживаний, подумалось вдруг – а почему нет-то? Ребёнку ведь нужен отец, а Роман не только не чурается моей одинокой беременностью, но и относится к ней с почти отцовским трепетом...

Мы как бы были парой, но в тоже время просто друзьями – гуляли, ходили в кино и кафешки, он отвозил меня до женской консультации и ждал, пока окончится приём, а потом искренне интересовался как дела у малыша. Рядом с ним я не чувствовала себя одинокой, некогда было рефлексировать и тосковать. И всё же, когда однажды на прогулке он неожиданно позволил себе больше обычного – обнять, заглядывая в лицо так близко, что стали заметны тонкие зеленоватые

прожилки в серой радужке его глаз, я испуганно напряглась.

– Поехали ко мне? – осторожно предложил он, но я видела, что за этой осторожностью скрывается целый океан невысказанных, рвущихся наружу чувств. – Давно хочу показать тебе свой дом. Мне кажется, он тебе понравится.

– Да уж наверняка! – неловко хихикнула я. – Мне вообще дома больше, чем квартиры нравятся.

– А уж как они нравятся детям!

– Могу представить...

Мы вроде бы говорили о доме, но на самом деле оба понимали, что речь идёт о нас, и от этого мне почему-то становилось ещё больше не по себе.

– Ну так что, едем? – слегка сжал объятия Роман.

На душе вдруг так заскребло, отдавая застарелой болью в сердце и перехватывая дыхание, что я закрыла глаза. Ну что опять? Отболело ведь уже, забылось и успокоилось, ну?

Только бы не разреветься!

– Слав, ну мы же не дети, чтобы до бесконечности играть в жмурки...

Закрытые глаза всё-таки запекло слезами, но я глубоко вдохнула и решительно мотнула головой.

– Да. Конечно да. Поехали!

Глава 6

Около 7 месяцев назад

– ...Какого хрена ты задумал, Гордей?

Пауза, во время которой Гордеев ещё раз мысленно пробежался по схеме. Да, шансы есть, причём немалые. Но лишь при условии абсолютной секретности. И в то же время, и без помощи не обойтись.

– Предлагаю поиграть в кошки-мышки, Ген.

– Это с Утешевым-то? Гениально, да. И если это и есть твоя новая концепция, то...

– Для начала выслушай, здесь действительно есть перспектива. Я бы даже сказал – Джек-пот. И его главная фишка в том, что Утешев знает о нём не понаслышке, но уверен при этом, что больше не знает никто.

Дед обречённо качнул головой:

– Как всегда ничего не понятно, но очень интересно. Тебя бы в рекламщики неведомой херни – карьеру бы построил.

– Спасибо, так и сделаю, – хохотнул Гордеев. – Если случайно не сдохну. Короче, к делу. Наш господин «У» из тех, кто в девяностые активно выслуживался перед пиндосами, так? Интегрировал, так сказать, «Западные ценности» в «немытую Россию» И была тут у нас в то время такая парочка общественников, журналист Грей Джонс и председатель

религиозной миротворческой миссии Си Джей Макковерт.
Слышал о таких?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.